

ШУТОЧНАЯ ХРОНИКА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ¹⁾.

I.

Аркадскія времена.

(Подражаніе Ломоносову).

О ты, что въ горести напрасно
Такъ сильно ропщешь на Совѣтъ,
Аркаша, ректоръ мой прекрасный,
Внемли сей праведный отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ передъ тобою
Нашъ попечитель Исаковъ
Музеи дерзостной рукою
Перенести ужъ былъ готовъ? ²⁾.

*

Гдѣ былъ, какъ тотъ же попечитель,
Невинность самую поправъ,
Отнялъ Любимова обитель
И самого его изгналъ?
Твоей ли хитростью слагаетъ
Намъ протоколы Жигаревъ? ³⁾
Не самъ-ли ихъ онъ сочиняетъ,
А ты подписывать готовъ?

*

Возмогъ ли ты, хотя однажды,
Рѣчь Армфельда остановить,
Иль помѣшать ему, чтобъ дважды
Не могъ онъ тоже повторить? ⁴⁾

¹⁾ Эта хроника раздѣляется на двѣ части. Первая часть „Времена Аркадскія“, когда ректоромъ былъ Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій (онъ съ утра надѣвалъ бѣлый галстухъ и объяснял: „можетъ быть, его превосходительство встрѣчу“). Вторая часть „Времена историческія“, когда начались въ Университетѣ „исторіи“, повлекшія къ выходу въ отставку Ѳ. М. Дмитріева, Б. Н. Чичерина и С. А. Рачинскаго.

²⁾ Н. В. Исаковъ хотѣлъ перевести для общаго пользованія Университетскіе музеи въ Румянцевскій музей.

³⁾ Жигаревъ—секретарь Университетскаго Совѣта.

⁴⁾ Даровитый и словоохотливый профессоръ судебной медицины, А. О. Армфельдъ.

Когда придумаетъ онъ фразы,
И самъ собою увлечень,
Возмогъ ли ты отъ сей заразы
Избавить нашъ синедріонъ?

*

Ты можешь ли Левіаана,
Который, отправляясь въ путь,
Такъ славно торговалъ Пастраной,
Умнѣе сдѣлать какъ нибудь?
Широкъ онъ спереди и сзади,
И страшень Толстопятскій ревъ...
Возмогъ ли ты, о мой Аркадій,
Ему внимать не присмирѣвъ? ⁵⁾

*

Взгляни еще на бегемота,
На дальній типографскій дворъ ⁶⁾.
Ему глаголица—охота,
И по древлянски онъ остеръ.
Разнообразное строенье
Являетъ въ членахъ мудрый звѣрь.
Пойми его тѣлосложенье
И остроуміе измѣрь ⁷⁾.

*

Смотри и виждь иного звѣря,
Четвероногого притомъ.
Въ немъ Чудъ и Весь и даже Мера,
Всѣ воплотилися въ одномъ.
Неразвоенное копыто
Ему защита отъ обидъ;
Оно не сильно, но сердито,
И раздраженное смердитъ.

*

Сяди жъ безъ жалобъ, не тоскуя,
Что бѣ ты въ Совѣтѣ ни нашель,
О вздорѣ ли благовѣствуя,
Звучить Галунина глаголь,

⁵⁾ Ненормально толстый профессор анатоміи Иванъ Матвѣевичъ Соколовъ долженъ былъ отложить поѣздку въ чужіе края по поводу дѣла, возникшаго между Университетскимъ анатомическимъ театромъ и мужемъ известной Юліи Пастраны, женщины огромнаго роста, которая обросла волосами, которую показывалъ ей мужъ за деньги, и послѣ смерти отдалъ препарировать для тойже цѣли, но отказался заплатить анатомическому театру 3.000 рублей. Лишь судомъ эти деньги были получены, и Соколовъ могъ уѣхать за границу.

⁶⁾ О. М. Бодянский въ это время былъ директоромъ Университетской типографіи.

⁷⁾ Бодянского звали Осипомъ, и онъ говаривалъ:—Я осипъ и осипъ.

Или, мірской подобясь сходжѣ,
 Въ одинъ всѣ голось говорятъ,
 И силой ни ума, ни глотки
 Не одолѣешь сей набать.

*

Когда среди погоды ясной,
 Встаетъ въ Совѣтѣ ураганъ,
 Ты только молвишь: „и прекрасно“,
 И это слово есть обманъ!
 Но утлымъ челномъ засѣданій
 Ты править никогда не могъ,
 Хотя и держишь въ слабой длани
 Ты повелительный звонокъ!

*

Сіе, Аркадій, рассуждая,
 Познай законы здѣшнихъ мѣсть,
 И, утромъ звѣзды надѣвая,
 Надѣнь терпѣнья также крестъ.
 И будешь ректорскую долю
 Влачить безъ всякаго труда;
 Лишь грозную Совѣта волю
 Чти и въ Любимовѣ всегда!

25 Ноября 1861.

На отверстіе усть Н. Д. Бѣляева въ засѣданіи 19 Марта 1861 года.

Ахъ, Бѣляевъ, ахъ, Иваша!
 Ты вѣдь прежде былъ скромнѣй,
 И твое молчанье краше
 Было нынѣшнихъ рѣчей.

Ты идешь дорогой скользкой:
 Жаждой славы обольщенъ,
 Ты подробностью Никольской
 Скоро будешь зараженъ!

На Н. А. Любимова.

Ахъ, зачѣмъ онъ душу мирную
 Вдругъ политикой смутилъ,
 Агитацію квартирную
 Для чего производилъ?

Въ душу прежде столько нѣжную
 Штаты новые внесли
 Страсть горячую, мятежную,
 Все волненіе зажгли.

Все, что прежде было чистаго,
Онъ уже не признаеть,
Сокрушился духъ Любимова
Бурей денежныхъ заботъ!

*Два экспромта на актъ 13 Января 1861 г. по поводу рѣчи профессора Петрова *) и предстоящаго объѣда съ А. В. Назаровымъ.*

Во всемъ есть мѣра и граница,
Во всемъ приличье надо знать,
И объ Арабской кобылицѣ
Не надо долго такъ читать.
О сколько горестныхъ ударовъ!
И рѣчь, и праздничный нарядъ;
А тамъ Тиберій-Гракхъ Назаровъ,
Превосходительный Марать.

20 Января 1862 года.

Когда бы Алексѣй Иванычъ
Въ Испаніи старинной жилъ,
То вѣрно каждый день бы на ночь
Шѣть серенады онъ ходилъ
И голосъ собственный гитарой
Для Донъ-Галунина-бъ служилъ;
Такъ жилъ бы онъ въ Европѣ старой.
А въ новой отъ него нѣтъ силъ!
Гласъ его лирическій,
Возгласы дьячка,
Умъ патологическій,
Глотка широка.
Послѣ слова каждаго
Издаеть онъ стонъ:
О своей неловкости
Все жалѣеть онъ.
Когда съ вершины Капитольской,
Гремѣлъ рѣчами Цицеронъ,
Ужели также, какъ Никольскій,
Собою любовался онъ?
А если также рѣчью длинной,
Изъ самолюбія, онъ томилъ,
То какъ-же, вмѣстѣ съ Кателиной,
Онъ и Сенать не уморилъ.

Преподаватель восточныхъ языковъ.